

РЕЦЕНЗИИ

Никита Харламов*

Ольга Шевченко. Кризис и повседневность в постсоциалистической Москве.
Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2009. xiv + 242.

Olga Shevchenko. *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*.
Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2009. xiv + 242.

Аннотация. Рецензируемая книга основана на этнографическом исследовании в Москве в конце 1990-х годов. Автор анализирует феномен «кризис», становящийся для жителей Москвы доминирующей схемой интерпретации мира, и показывает, как эта схема функционировала в обыденных процессах осмысления мира и в обыденных практиках повседневной жизни. Особое внимание уделяется феномену автономии домохозяйства как социальной единицы. В рецензии очерчиваются основные положения книги и обсуждается ее важность для понимания повседневной жизни в постсоциалистическом метрополисе. Делаются два основных критических замечания: о недостатке обсуждения Москвы как городской среды и ее специфики в рамках России; и о проблеме автономии как автономии относительно государства по сравнению с автономией относительно общества.

Ключевые слова. Кризис, повседневная жизнь, постсоциалистическая Москва, практика, смысл

1990-е годы навсегда останутся в памяти жителей России как время разрушенных иллюзий, несбывшихся мечтаний, крушения жизненных планов и перспектив. Последнее десятилетие XX века стало временем, когда человеку приходилось адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам и «оставаться на плаву» в обстановке неуверенности и непредсказуемости. Еще долго слова «реформа», «модернизация», «трансформация» будут ассоциироваться с тяготами и даже трагедиями – как общественными, так и семейными и личными. Слово «кризис» для российского человека уже более 20 лет является привычным способом описания окружающего мира и происходящих событий.

Перестроечно-постсоциалистическое «долгое десятилетие» постепенно переходит из актуального «вчера» в область современной истории. Сегодня становится возможным и необходимым критическое исследование событий и процессов, которые оформляли новый социальный порядок постсоветской России. Об экономических реформах и политическом транзите, ценностных сдвигах, общественном мнении, изменениях в культуре написано очень много. Тем более заметно, насколько малоизученной остается повседневная жизнь – то, как обычные люди «прокладывали свои тропы» в опасных условиях изменившейся культурной и хозяйственной среды. В книге «Кризис и повседневность в постсоциалистической Москве» Ольга Шевченко, доцент Колледжа Уильямс (Массачусетс, США), приоткрывает одну из сторон постсоветской повседневности – функционирование понятия «кризис» как стержня медийной и интеллектуальной риторики и его преобразование в основу целостной интерпретативной схемы. Большая часть книги посвящена тому, как эта интерпретативная схема использовалась москвичами для осмысления происходящих в стране и в их собственной жизни событий и для выстраивания стратегий поведения, рождавших обыденные жизненные практики. На фундаменте этой схемы складывались формы социальности и специфическое понимание автономии социальных субъектов –

---

* Харламов Никита Алексеевич – стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ

© Центр фундаментальной социологии, 2009

© Харламов Н., 2009.

автономии, единицей которой служит семья, а точнее, расширенно понимаемое домохозяйство.

Базой для аргументов Шевченко является анализ понятия «кризис», которое она рассматривает через сопоставление внезапного кризисного разрыва нормальной жизни и долгосрочных кризисных ситуаций, когда «хронический кризис может стать самой сущностью идентичности сообщества, способом жизни и путем самоосмысления, вне которого сообщество как таковое немыслимо» (р. 3). В обсуждении «тотальных кризисов» (total crises) автор опирается на работы Кая Эриксона, выдающегося социолога катастроф, в частности, «хронических катастроф» (chronic disasters). Шевченко предлагает рассматривать «тотальные кризисы» как феномены, динамика и последствия которых в корне отличаются от динамики и последствий внезапных кризисов. Основным интерес для нее представляет тот факт, что в условиях тотального кризиса, продолжавшегося более десятилетия, люди проявляли специфические формы активности и деятельного приспособления к обстоятельствам. Существование тотального кризиса автор описывает так: «кризис эволюционирует от единичного и чуждого события до самой ткани повседневной жизни, непосредственного контекста решений и действий и, после некоторой точки, единственной реальности, для обращения с которой у индивидов есть социальные и культурные инструменты» (р. 2). Она принимает культурно-ориентированное определение повседневной жизни как «всей деятельности, основанной на повседневном знании, на представлениях, которые широко распространены в современных российских условиях и, как правило, не подвергаются сомнению» (р. 5) и фокусирует исследование на «кризисе как доминирующей схеме интерпретации мира» (crisis as a dominant framework of interpretation, p. 11) жителей Москвы.

На протяжении восьми глав книги Шевченко переходит от выделения изменяющейся риторики «кризиса» в российских средствах массовой информации и интеллектуальном дискурсе к изучению восприятия этой риторики обычными людьми. У этих людей формируется специфический тип способов интерпретации мира, своего рода габитус, который они воплощают в практике создания и поддержания домохозяйства как единицы жизни, параллельной общественности и государству. Шевченко обсуждает практики заработка, потребления, поддержания социальных связей, получения услуг и исследует более широкие последствия функционирования кризисной интерпретативной схемы.

Опираясь на анализ прессы («толстых» журналов, ежемесячных и еженедельных газет) и на интервью с экспертами (видными публичными интеллектуалами и аналитиками), автор прослеживает развитие представлений о «кризисе»: от риторики кризиса позднего социализма (в свою очередь, восходящего к более ранней идее «кризиса буржуазного Запада») к риторике кризиса постсоциалистического перехода и политических и экономических реформ. Как пишет Шевченко, суть обыденного восприятия этой риторики заключалась в том, что «кризис находился в паутине связей, которые люди усматривали между разрозненными проявлениями постсоциалистического упадка» (р. 43). Она указывает на распространенность восприятия личных успехов как следствия «удачи», «счастливого шанса» вопреки неблагоприятным обстоятельствам, рассматривая это как признак тотальности «кризиса» как способа интерпретации мира. Говоря о зарождении «кризисного габитуса» и его связи с солидарностью и социальными взаимодействиями, Шевченко отмечает гибкость образа тотального кризиса, который «не только предоставлял людям риторическую традицию, в которой можно высказывать свои жалобы на жизнь, но и наделял их смысловой структурой, в рамках которой неприятности можно постигать и переживать» (р. 73). Она обсуждает идею автономии (autonomy) и подчеркивает, что единицей постсоциалистической автономии является «не индивид, а домохозяйство [household]» (р. 82). Это наблюдение обосновывается далее при рассмотрении практик заработка и потребления. Особое внимание Шевченко уделяет феномену «семейного котла» (family cauldron), под которым понимается тесная связка индивидуальных трудовых и потребительских стратегий с общим благосостоянием домохозяйства, подчас расширенного,

включающего более или менее дальних родственников и друзей. Особенности практик потребления и установления автономии домохозяйства ярко проявляются в процессе покупки товаров длительного пользования и сохранении отслуживших свой срок товаров (таких как холодильник) наряду с новыми предметами. Повседневная автономия, когда «в той мере, в какой люди могли этого достичь ... они отходили от общественной инфраструктуры в поиске параллельной системы институтов» (р. 127), рассматривается на материале таких примеров, как фортификация домашней собственности (путем установки железных дверей и гаражей-ракушек), самолечение и услуги нетрадиционной медицины. Эти примеры показывают, как москвичи находили альтернативные пути получения услуг, которые бы не зависели от государственных и общественных служб (так, железная дверь, в сущности, подменяет действие законов и работу милиции по охране собственности). Как симптом и символ автономной жизни Шевченко описывает расплытие досуга, в том числе приходящегося на развлечения и праздники; особое место в досуговых практиках приобретает решение кроссвордов. Обсуждая политическое значение и политические последствия действия кризисной интерпретативной схемы, автор уделяет особое внимание «обратной политической социализации», которая привела к восприятию всей политики, всех медийных сообщений и всего интеллектуального дискурса как принципиально коррумпированных, делающихся в интересах определенных групп и не заслуживающих доверия. «Слишком сложные, чтобы их можно было вывести из риторики и поведения, политические интересы и мотивы ... представлялись как всегда невысказанные – убеждение, которое автоматически превращало высказываемые намерения в обманчивые по определению» (р. 152). Установка принципиального недоверия, по мнению Шевченко, стояла, в частности, за популярностью альтернативной истории академика А.Т.Фоменко, на примере которой демонстрируется позиция «незаинтересованного наблюдателя».

В заключении автор рассматривает результаты исследования с точки зрения сегодняшнего дня и проблематизирует место выделенной кризисной интерпретативной схемы в процессах социального изменения. Она указывает, что адаптивный эффект и нормализационная функция схемы могли сами по себе привести к сохранению и воспроизведению кризисной ситуации. Книга снабжена подробным методологическим приложением, описывающим позицию исследователя и «теоретически информированную выборку методом снежного кома», которая использовалась при отборе респондентов для глубинных интервью, ее недостатки и выигрыш в установлении контакта и доверия в отношениях исследователя и респондентов.

Одним из достоинств книги является то, что Ольга Шевченко пишет из 2000-х, но основывается на полевой работе, проведенной в 1998-2000 годах, демонстрируя тем самым, как работала кризисная интерпретативная схема в обыденной обстановке во время и сразу после кризиса 1998 года. Сегодня к этому материалу уже можно обращаться с некоторой исторической дистанции. Данные, полученные в этнографических наблюдениях и глубинных интервью и дополненные экспертными интервью и анализом медийных сообщений, ярко и детально раскрывают городскую культуру Москвы конца 1990-х. Приятно отметить, что книгу отличает хорошо структурированные теоретические основания и методологическая строгость. В частности, хотя Шевченко и применяла для отбора панели «снежный ком», она, несомненно, осознавала ограничения и последствия такого решения. Вряд ли более «объективные» методы отбора позволили бы достичь аналогичного уровня легитимации и доверия, какой просматривается не только в авторском тексте, но и в многочисленных обширных цитатах из интервью. Высказывания людей, с которыми разговаривала Шевченко, приводятся в книге весьма часто, но при этом автору удалось избежать ситуации, когда они бы выглядели слишком длинными и неуместными.

Мне кажется, что главным достижением книги, помимо концептуализации и документирования зарождения кризисной интерпретативной схемы, является глубокое проникновение в истинное значение автономии (которую подчас ошибочно отождествляют с индивидуализмом) для постсоциалистических субъектов. Причитания об «упадке

коллективности», «растворении социальности», «разрушении общественных связей» занимают заметное место в современном дискурсе критики «искусственно насажденного в России западного индивидуализма». Характерной чертой такого дискурса является то, что он «промахивается мимо» укорененности автономных субъектов в семье, домохозяйстве, сетях родства и близкой дружбы, которые существуют параллельно как государству, так и тому, что обычно называют «обществом» (или, если угодно, «общественностью»). Шевченко тонко и убедительно показывает, что «ощущение благосостояния основывалось на достижении по возможности широкого и всеохватывающего отделения от “системы”» (р. 128). Понимание природы этой автономии и достижения ощущения благосостояния (и борьбы за это ощущение) является ключевым для фиксации того, как москвичи действительно жили обыденной жизнью в суматохе первого десятилетия после распада Советского Союза.

В порядке критических замечаний стоит отметить, что хотя Шевченко понимает специфику и уникальность Москвы как социальной среды в современной России, а этнография – это описание конкретных локальных ситуаций, а не конструирование широких обобщений, – в книге, как мне кажется, особое положение Москвы обсуждается недостаточно. Тем более, что книга написана по-английски и ориентирована на международную профессиональную аудиторию, а для этой аудитории специфика отношений и напряжения между Москвой и остальной Россией вовсе не является известной и очевидной. Хотя книга посвящена не столько городу, сколько повседневной жизни его обитателей, включение этой жизни в некоторый сравнительный контекст (пусть даже на основании вторичных материалов), несомненно, внесло бы нужное понимание ее специфики, в том числе именно как жизни даже не в большом городе, а в колоссальном метрополисе.

Важная концептуальная и теоретическая проблема (для исследования которой книга вполне может стать одной из стартовых точек) лежит в природе обсуждаемой автором автономии: хотя Шевченко описывает ее прежде всего как автономию по отношению к государству и предоставлению инфраструктуры и услуг (ранее они входили в сферу ответственности советского государства, а в 1990-е воспринимались как «пущенные на самотек» и потому теряющие качество и разрушающиеся), отношение индивидов и домохозяйств к «большому обществу» также требует рассмотрения в этом контексте. Аргументы Шевченко позволяют установить неадекватность для описания российской (в данном случае московской) действительности традиционно постулируемых в социологии связей между социальными сетями и политическим действием и понятия «публичной сферы» в хабермасовском понимании. Автор отмечает, что москвичи приобрели некоторую «скептическую постсоциалистическую восприимчивость» (*skeptical postsocialist sensibility*) (р. 168) и некоторую коллективную идентичность «народа» (р. 166), которая «имела своим условием *отсутствие* коллективного действия в традиционном понимании политической борьбы» (р. 168). Мне кажется, что эти наблюдения свидетельствуют в пользу важности различения между «разделяемой» идентичностью и «коллективностью» (или «группой»), которая действительно формируется на основе коллективной идентичности. Также необходимо понять, как эти автономные социальные единицы (в представлении Шевченко – домохозяйства и семейные сети) взаимодействуют с другими социальными единицами на том же уровне (в том числе между собой). Возможно, именно в этом ключе следует оценить применимость привычных для урбанистики понятий «сообщества», в особенности «локального сообщества» (*local community*), для описания современной городской среды в России.

Итак, перед нами очень качественно и аккуратно написанная работа. В ней нет ни высокопарной обобщающей риторики социетальных трансформаций, ни иронии и морализаторства, которыми так часто страдают исследования современной России. Хотя Шевченко и не проводит целенаправленного обсуждения свойств Москвы как города и как городской среды, сам текст ее книги передает ощущение города как живого мира, актуализированного в мыслях и действиях его жителей. А это тот эффект, без которого невозможна настоящая этнографическая работа.